

Научная статья
УДК: 342.951+ 351.82
EDN: MTRNGL

Административная ответственность за нарушение режима пребывания: проблема разграничения между нелегальными мигрантами и лицами, ищущими убежище

Олег Сергеевич Бездольный

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия,
bezdolnyoleg2@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0009-7776-9620>

Аннотация

Цель. Целью исследования является выявление коллизии между политикой ужесточения административной ответственности за нарушение миграционного режима в Российской Федерации и защитными нормами законодательства о беженцах и лицах, ищущих убежище, в том числе применительно к принципу невысылки, а также пределов применения статьи 18.8 КоАП РФ к данной категории иностранных граждан.

Метод. Методологическую основу исследования составил анализ действующего федерального законодательства, в том числе Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также материалов правоприменительной практики судов общей юрисдикции. Исследования также затрагивает и во многом строится на историко-правовом анализе этапов эволюции административно-правового регулирования миграции в России с 1990-х годов по настоящее время.

Результаты. В работе показано, что переход российской миграционной политики от точечных репрессивных мер к модели постоянного и цифровизированного контроля (реестры, цифровой учет и так далее) объясняется как экономической целесообразностью, так и общественным запросом на более комплексный миграционный контроль. Кроме того, представлена авторская критика формального подхода правоприменителей, при котором сам факт нарушения режима пребывания констатируется без учета вынужденного характера перемещения лица, ищущего убежище. Высказаны аргументы в защиту необходимости обязательной проверки судом или административным органом реальной возможности лица легализоваться или безопасно покинуть страну, а также риска преследования при возвращении на родину. Показано, что проблема является в первую очередь процессуальной.

Вывод. В статье доказывается, что решение выявленной коллизии лежит не в полном исключении лиц, ищущих убежище, из сферы административной ответственности, а в отказе от субсидиарного и формального применения к ним общих норм КоАП РФ и индивидуализации административного принуждения. Автором предложено закрепить на уровне пленума Верховного Суда Российской Федерации обязанность устанавливать причины нарушения миграционного режима при заявлении лица об угрозе его жизни или здоровью, предусмотреть приостановление административного выдворения на период рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, а также обеспечить судебный контроль обоснованности содержания таких лиц в центрах временного содержания иностранных граждан.

Ключевые слова: административная ответственность, миграционный контроль, беженцы, временное убежище, административное выдворение.

Для цитирования: Бездольный О.С. Административная ответственность за нарушение режима пребывания: проблема разграничения между нелегальными мигрантами и лицами, ищущими убежище // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С 116 - 126. EDN: MTRNGL

Original article

Administrative liability for violating stay regulations: the problem of distinguishing between illegal migrants and asylum seekers

Oleg S. Bezdolny

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia,

bezdolnyoleg2@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-7776-9620>

Abstract

Goal. The purpose of this study is to identify the conflict between the policy of increasing administrative liability for violations of the migration regime in the Russian Federation and the protective norms of legislation on refugees and asylum seekers, including the principle of non-deportation, as well as the limits of application of Article 18.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation to this category of foreign citizens.

Method. The study is based on an analysis of current federal legislation, including the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the materials of the law enforcement practice of general jurisdiction courts. The study also focuses on the historical and legal analysis of the stages of the evolution of administrative and legal regulation of migration in Russia from the 1990s to the present.

Results. The paper shows that the transition of Russian migration policy from targeted repressive measures to a model of constant and digitalized control (registries, digital records, and so on) is explained both by economic expediency and by the demand of Russian society for more comprehensive migration control. In addition, the author's criticism of the formal approach of law enforcement officers is presented, in which the very fact of violating the residence regime is stated without taking into account the forced nature of the asylum seeker's movement. Arguments have been made in favor of the need for a court or administrative authority to verify the person's actual ability to legalize or safely leave the country, as well as the risk of persecution upon return to their home country. It has been shown that the issue is primarily procedural.

Conclusion. The article proves that the solution to the identified conflict lies not in the complete exclusion of asylum seekers from administrative liability, but in the refusal to apply the general rules of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation to them in a subsidiary and formal manner, and in the individualization of administrative coercion. The author proposes to enshrine at the level of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation the obligation to establish the reasons for the violation of the migration regime when a person claims that their life or health is at risk, to provide for the suspension of administrative deportation during the consideration of an asylum application, and to ensure judicial control over the validity of the detention of such persons in temporary detention centers for foreign citizens.

Keywords: administrative liability, immigration control, refugees, temporary asylum, administrative expulsion.

For citation: Bezdolny O.S. Administrative liability for violating stay regulations: the problem of distinguishing between illegal migrants and asylum seekers. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 116-126. (In Russ). EDN: MTRNGL

Введение

В последние годы административно-правовое регулирование миграции в России переживает качественный сдвиг, который заключается в переходе от разрозненных мер как бюрократического, так и репрессивного характера, к формированию комплексной системы постоянного контроля, который заключается в масштабной цифровизации сферы миграционного учета. Начиная с 2024 года был принят ряд федеральных законов, которые направлены на борьбу с нелегальной миграцией, а Указ Президента от 15 октября 2025 г.

№ 738 утвердил новую концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы. В связи с этим возникает закономерный вопрос о пределах применимости указанной логики к особой категории иностранных граждан, а именно беженцам и лицам, ищущим убежище, чье пребывание в стране изначально обусловлено не пренебрежением к закону, а вынужденным характером перемещения. Именно это противоречие между репрессивной логикой контроля за незаконной миграцией и защитной логикой международного и национального права о беженцах составляет центральную тему указанной статьи.

Вопросы административной ответственности за нарушение миграционного режима исследованы в российской науке довольно широко. Так, Ю.Н. Стручкова анализирует административное задержание иммигранта как самостоятельную меру принуждения, которая не должна приобретать карательный характер. Е.Б. Бедрина и Н.П. Неклюдова через экспертные оценки изучают реализацию миграционной политики на региональном уровне, а вопросы секьюритизации миграции были исследованы в работах К.К. Григорьевой.

Вместе с тем работы, посвященные именно коллизии между усилением административного контроля за незаконной миграцией и защитными механизмами законодательства о беженцах, в том числе пределам применения статьи 18.8 КоАП РФ к просителям убежища, исследованию не подвергались, а соответствующие правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации не получили системного осмысления применительно к правоприменительной практике, что и определяет актуальность указанной работы.

Для достижения этой цели, во-первых, проводится исследование предпосылок и этапов эволюции административно-правового регулирования в сфере миграции, во-вторых, проводится анализ действующей системы административного контроля, в том числе цифровой учет и ответственность работодателей, в третьих, определяются пределы применения статьи 18.8 КоАП РФ к беженцам и лицам, ищущим убежище и в четвертых, на основе анализа правоприменительной практики формулируются предложения по индивидуализации административной ответственности для данной категории лиц.

Этапы эволюции административно-правового регулирования в сфере миграции

На текущий момент нелегальная миграция остается одним из наиболее серьезных вызовов как для правопорядка, так и для национальной безопасности Российской Федерации. В ответ на эти вызовы государство планомерно ужесточает административно-правовой инструментарий. Так, в ноябре 2024 года приняты федеральные законы, существенно повысившие санкции за организацию незаконной миграции и смежные с этим правонарушения, по словам председателя Государственной Думы В.В. Володина, за 2024 год было принято 16 законов для борьбы с нелегальной миграцией¹. Кроме того, Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 утверждена новая Концепция государственной миграционной политики на 2026-2030 годы. Всё это актуализирует вопрос об эффективности и соразмерности административной ответственности в данной сфере.

Сейчас можно наблюдать переход российской политики к модели постоянного миграционного контроля, которая выражается в том, что административная ответственность дополняется реестрами, цифровым учетом, усилением контроля за работодателями и усилением их ответственности, а также попытками пресечения нелегальной миграции в целом как таковой. Этот переход можно охарактеризовать как смену парадигмы регули-

¹Грудцинов Р. Володин: Госдума с 2024 года приняла 16 законов для борьбы с нелегальной миграцией // Парламентская газета. 2025. 29 мая. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-gosduma-s-2024-goda-prinyala-16-zakonov-dlya-borby-s-nelegalnoy-migratsiey.html> (дата обращения: 19.06.2026).

рования, которая заключается в переходе от точечного реагирования на отдельные правонарушения к выстраиванию сплошной системы наблюдения за миграционным статусом иностранного на всех его этапах нахождения в стране, начиная с момента въезда и заканчивая постановкой на учет по месту пребывания.

Такая логика соответствует более общей тенденции, которая отмечается рядом исследователей миграционной политики. Так, О.А. Хараева в своей рецензии на книгу «глобальное и региональное измерение миграционных процессов» рассматривает переход государств от эпизодического реагирования на миграционные потоки к системному управлению ими как самостоятельную политическую функцию [1, с. 170]. Похожая логика прослеживается и в зарубежной науке [2, с. 598], где исследуются вопросы об «экстернализации» и инструментализации миграционного контроля в Европейском Союзе, в том числе посредством усложнения государственного контроля путем создания системы цифрового учета и распределения контрольных функций между большим числом акторов, а не просто ужесточения санкций для конечного нарушителя.

Главная предпосылка усиления административной ответственности и административного контроля за незаконной миграцией в Российской Федерации это сочетание как экономической целесообразности трудовой миграции в Россию, так и общественного запроса на контроль за незаконной миграцией.

С экономической стороны доклад ФНИСЦ РАН [3, с. 599] о трудовой миграции в Россию прямо указывает, что растущий дефицит кадров становится ключевым фактором долгосрочного спроса на иностранную рабочую силу, хотя вклад мигрантов в долгосрочный экономический рост остается ограниченным, что и объясняет двойственность государственной политики, которая стремится одновременно сохранить приток кадров и модернизировать механизмы его регулирования.

С точки зрения общественного запроса социологические данные подтверждают устойчивый и растущий характер запроса на контроль за незаконной миграцией. Так, еще в 2021 году 81% россиян поддерживали ужесточение контроля за незаконной миграцией, причем согласие выражало как старшее поколение (старше 55 лет), так и молодые респонденты (от 18 до 34 лет)¹.

Концепция миграционной политики на 2026-2030 годы исходит из того, что рост числа иностранных наемных работников сохранится, но миграционная политика должна, с одной стороны обеспечивать безопасность и защиту рынка труда, с другой стороны гарантировать социальную стабильность и адаптацию иностранцев². Таким образом, в указанной Концепции можно наблюдать некий компромисс между запросом общества и экономической целесообразностью привлечения иностранной рабочей силы.

Еще одной предпосылкой является секьюритизация миграции, то есть перевод миграционного вопроса в плоскость общественной безопасности. Указанный вопрос является предметом исследования российских ученых [4, с. 60].

Вместе с тем у такой предпосылки есть вполне себе материальные основания, поскольку преступность в мигрантской среде возрастает. Так, в материалах Следственного комитета Российской Федерации незаконная и неконтролируемая миграция описывается как один из факторов криминогенной обстановки, теневой экономики и коррупции,

¹Более 80% россиян считают, что в РФ необходимо ужесточить контроль за незаконной миграцией // ТАСС. 2021. 20 января. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10499967> (дата обращения: 02.07.2026).

²О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490> (дата обращения: 19.06.2026).

а в 2024 году ведомственные публикации связывали законодательные инициативы с ростом преступности среди нелегально находящихся лиц на территории России¹.

Более широкий историко-правовой контекст этой тенденции раскрывается в работе С.М. Поповой, А.А. Яник и С.Ф. Карповой «Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989-2023)» [5, с 36]. В указанной работе исследователи выделили семь этапов эволюции российской миграционной политики и показали, что на протяжении всего постсоветского периода она колеблется между двумя конкурирующими приоритетами. С одной стороны у государства имеется объективная необходимость в привлечении иностранной рабочей силы для закрытия потребностей рынка труда, с другой стороны государство сталкивается с острой необходимостью обеспечения государственной и общественной безопасности. Как раз такая конкуренция приоритетов, по мнению авторов, объясняет противоречивость законодательных мер, которые принимались государством.

Третьей предпосылкой являются те претензии, которые накопились как со стороны общества, так и со стороны органов государственной власти, к инфраструктуре допуска мигрантов. Сюда можно включить и фиктивную регистрацию, и поддельные документы, и слабый контроль работодателей за своими сотрудниками трудовыми мигрантами, а также трудовую деятельность таких мигрантов вне разрешенных условий. При этом, речь идет не о единичных нарушениях, а о целой инфраструктуре по допуску и легализации таких лиц. В научной литературе это описывается как проблема формальных и неформальных институтов регулирования, которые и определяют положение трудовых мигрантов в России [6, с. 204-205]. Масштаб этой проблемы подтверждается статистикой МВД России. Так, только за 2024 год в отношении иностранных граждан было составлено около 3 миллионов протоколов об административных правонарушениях, часть из которых были за нарушение миграционного режима².

В тоже самое время МВД России фиксирует и рост выявленных случаев организации незаконной миграции, что свидетельствует о системности проблемы, а не об отдельных единичных нарушениях. Еще в 2018 году фиксировался устойчивый рост фиктивных постановок на учет, а также смежной практики «резиновых офисов», то есть фирм, регистрируемых без намерения вести коммерческую деятельность, а исключительно для постановки мигрантов на учет по юридическому адресу организации [7, с. 45].

В научной литературе это описывается как проблема формальных и неформальных институтов, которые и определяют положение трудовых мигрантов в России, в которых понятие неформальности описывается не как правовая аномалия, а системный результат взаимодействия экономических и социальных институтов, что применимо и к инфраструктуре допуска мигрантов, где нелегальные схемы легализации дополняют, а не замещают формальные институты регулирования [8].

Российский законодатель и правоприменитель далеко не сразу пришел к политике постоянного миграционного контроля. До начала 2010-х годов ядром ответственности были «классические» составы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях сфере миграции, будь то нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации (статья 18.8 КоАП РФ), незаконная трудовая деятельность (статья 18.10 КоАП РФ), нарушение правил привлечения иностранцев работодателями (статья 18.15 КоАП РФ).

¹ Бастрыкин А. И. Миграция и национальная безопасность: баланс между безопасностью и правами человека // Записки следователя. 2024. № 6. URL: <https://pressa.sledcom.ru/ZHurnal/Magazine-6-2024/item/1939911/> (дата обращения: 19.06.2026).

² В РФ в 2024 году на мигрантов составили более 3 млн протоколов за нарушения // ТАСС. 2025. 11 марта. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/23364069> (дата обращения: 02.07.2026).

В дальнейшем была усилена территориальная модель ответственности для Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей. Так, по статьям 18.8 и 18.10 КоАП РФ предусмотрены гораздо более высокие штрафы за миграционные нарушения, которые, к тому же, предусматривают выдворение как дополнительное наказание.

Однако простое усиление административной ответственности не сильно повлияло на рынок труда в среде нелегальных мигрантов, так как нарушения миграционного законодательства зачастую уже заложены в экономику рынка труда. Так исследования показывают [9, с. 149-151], что работодатели в крупных российских городах не готовы массово отказываться от иностранной рабочей силы несмотря на рост издержек такого найма. На практике это означает, что штрафы, которые предусмотрены для нелегальных мигрантов по статьям КоАП РФ не устраняют экономический стимул работодателя поддерживать либо полностью нелегальные, либо полулегальные схемы занятости.

Кроме того, отмечается [10, с. 101], что сама по себе процедура легализации представляет собой крайне бюрократизированный процесс, при котором коммерциализация разрешительных документов, коррупция и отчасти оппортунизм самих работодателей выглядят как надежный способ для мигранта обезопасить себя от контроля со стороны органов государственной власти.

Таким образом, простое ужесточение административной ответственности путем усиления репрессивного компонента, в том числе в наиболее экономически привлекательных для мигрантов регионах, было слишком слабой мерой. В первую очередь, она давила на конечного нарушителя, однако недостаточно затрагивала сами причины воспроизводства нарушений, такие как рынок посредников, фиктивные регистрации в «резиновых» квартирах, стоимость и сложность процедуры легализации (и привлекательность коррупционного пути в связи с этим), а также вероятность выявления.

Ситуация начала меняться в 2018 году. Тогда была утверждена новая Концепция государственной миграционной политики на 2019-2025 годы, которая заложила рамки управляемой миграции, в том числе меры по их адаптации¹. Концепция же миграционной политики на 2026-2030 годы развивает эту тенденцию еще дальше, развивая идеи «управляемой миграции». К таким мерам отнесены и предварительная верификация иностранца, цифровой учет его статуса, контроль работодателя, режим высылки для лиц без законных оснований его пребывания в стране, а также профилактика незаконной миграции как составную часть концепции национальной безопасности Российской Федерации.

Вместе с тем именно переход к модели постоянного миграционного контроля обостряет вопрос о пределах применения административной ответственности к различным категориям иностранных граждан. Если в отношении трудовых мигрантов, нарушающих правила въезда, пребывания или осуществления трудовой деятельности, усиление контроля оправдано, то применительно к беженцам и лицам, ищущим убежище, субсидиарно применять такую логику представляется неразумным.

Правовое положение лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища на территории Российской Федерации

Особенность правового положения указанной категории мигрантов состоит в том, что нарушение правил въезда или режима пребывания является не пренебрежением миграционным законодательством, а результатом вынужденного перемещения, отсутствия документов, невозможности обратиться к органам государственной власти гражданской принадлежности либо объективной невозможности своевременно легализовать свое пребывание. Поэтому применение статьи 18.8 КоАП РФ к беженцам и лицам, которые

¹О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810310046> (дата обращения: 20.06.2026).

ходатайствуют о получении такого статуса, а также лицам, ищущим временное убежище на территории Российской Федерации, требует самостоятельной оценки не только самого факта нарушения миграционного режима, но и причин такого нарушения.

В указанном смысле ужесточение миграционной политики выявляет более общий правовой риск, который заключается в том, что логика борьбы с незаконной миграцией может вступать в противоречие с защитной логикой законодательства о беженцах. Этот риск затрагивает и международно-правовую сферу, поскольку статья 33 Конвенции ООН «О статусе беженцев» 1951 года закрепляет принцип невысылки, запрещающий возвращение беженца в страну происхождения в случае, если там есть угроза его жизни или свободе из-за его расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Федеральный закон «О беженцах» исходит из того, что лицо, ищущее защиту, не должно быть возвращено против его воли в государство, где сохраняются обстоятельства, вызывающие опасения стать жертвой преследования. Конституционный Суд Российской Федерации¹ также рассматривал временное убежище как меру дополнительной защиты, препятствующую выдворению или депортации лица, которое формально не имеет законных оснований для пребывания, но в силу гуманитарных обстоятельств вынуждено находиться на территории Российской Федерации. При этом Конституционный Суд отметил, что временное убежище не может рассматриваться как альтернатива общему порядку получения разрешения на пребывание в стране. Таким образом, указанная защитная мера не отменяет миграционные требования как таковые, а лишь исключает принудительное возвращение лица при сохранении обязательств, угрожающих его безопасности.

Соответственно, проблема применения статьи 18.8 КоАП к беженцам и лицам, которые ищут убежище, заключается не в том, что такие лица должны быть полностью исключены из зоны административной ответственности за такое правонарушение, а в том, что необходимо применять к ним более высокую степень индивидуализации при принятии решения о привлечении к административной ответственности. Суд или административный орган должны в обязательном порядке установить, имелась ли у лица реальная возможность соблюсти требования миграционного законодательства, могло ли оно безопасно выехать из Российской Федерации, обращалось ли оно за защитой и не повлечет ли административное выдворение угрозы преследования, насилия или иные серьезные последствия для такого лица.

Кроме того, даже сейчас на практике уже проявилась проблема, при которой само обращение иностранного гражданина за временным убежищем не всегда рассматривается судами как препятствие для назначения или сохранения административного выдворения. Так, в деле Верховного Суда Республики Карелия² иностранный гражданин был привлечен к административной ответственности по части 2 статьи 18.8 КоАП, в результате чего ему был назначен штраф с принудительным административным выдворением, а последующее заявление о предоставлении ему временного убежища суд не признал обстоятельством, которое исключает правомерность назначенного наказания.

Судом было указано, что положения статьи 10 Федерального закона «О беженцах» не могут толковаться как освобождающие лицо от административного правонарушения, которое было совершено до подачи заявления о временном убежище. Эта позиция показывает важную правоприменительную проблему, что момент обращения за защитой приобретает решающее значение, хотя сама необходимость такой защиты может возникать

¹ По жалобе Закарии Мусы Ясира Мустафы, Маланга Сулеймана и ряда других иностранных граждан на нарушение их конституционных прав подпунктом 2 пункта 2 статьи 12 Федерального закона «О беженцах»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1317-О-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

² Решение Верховного Суда Республики Карелия от 17 января 2025 г. по делу № 12-13/2025 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AlaZSjxYIAYG/> (дата обращения: 20.06.2026).

независимо от того, успело ли лицо формально подать заявление до выявления нарушения миграционного режима.

Указанный пример демонстрирует, что даже при временной «блокировке» высылки из Российской Федерации лицо может сохранить статус подлежащего выдворению и продолжать находиться в условиях ограничения свободы. При этом в научной литературе административное задержание иммигранта рассматривается как самостоятельная мера административного принуждения, которая не должна и не может приобретать карательный характер и при применении которой необходимы индивидуальная оценка действий лица, судебный контроль и альтернативы, особенно если высылка за пределы Российской Федерации такого лица фактически невозможна [11, с. 43].

Из этого можно сделать вывод, что указанная проблема носит не столько временный, сколько процессуальный характер. В данном случае, ключевым является не то, сколько лицо содержалось в специальном учреждении ЦВСИГ (центр временного содержания иностранных граждан), а то, обладает ли оно реальной возможностью инициировать проверку, в том числе и судебную, обоснованности своего дальнейшего содержания с учетом изменившихся обстоятельств, прежде всего факта подачи либо рассмотрения заявления о временном убежище. Если такая проверка носит формальный характер и ограничивается лишь констатацией факта вынесенного постановления о выдворении, то дальнейшее содержание лица фактически выпадает из-под судебного контроля, даже если имеются основания для его проведения.

В этом смысле индивидуализация должна проявляться не только на стадии принятия решения о привлечении к административной ответственности, но и на стадии исполнения уже назначенного наказания, поскольку суд или орган, который исполняет постановление о выдворении, должен иметь процессуальную обязанность периодически пересматривать целесообразность содержания лица с учетом новых обстоятельств, а не только формально фиксировать истечение или продление установленного законом срока [12, с. 101-102].

Таким образом, главный риск состоит в том, что беженцы и лица, ищущие убежище, могут быть фактически приравнены к обычным нарушителям миграционного режима. Между тем временное убежище, по позиции Конституционного Суда Российской Федерации, является мерой дополнительной защиты, препятствующей выдворению или депортации лица, которое формально не имеет законных оснований пребывания, но в силу гуманитарных обстоятельств вынуждено находиться на территории Российской Федерации.

Еще одним риском является формальный подход к составу статьи 18.8 КоАП. Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что при привлечении к ответственности за нарушение режима пребывания правоприменитель не должен ограничиваться формальной констатацией факта отсутствия документов или истечения срока пребывания, а обязан выяснять, была ли у лица реальная возможность легализоваться или выехать из России.

И главный риск состоит в том, что выдворение может вступить в противоречие с принципом невысылки. В правовой аналитике по практике выдачи и выдворения искателей убежища¹ отмечалось, что лицо, ходатайствующее о признании беженцем, не может быть возвращено против его воли в государство гражданской принадлежности при сохранении обстоятельств, которые являлись причиной исхода из страны его гражданского происхождения.

¹ Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Об обеспечении прав иностранных граждан в ходе процедур экстрадиции, депортации, выдворения и получения убежища в Российской Федерации» от 4 февраля 2014 г. [приняты путем заочного голосования 11–14 апреля 2014 г.] // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://www.president-sovet.ru/files/8b/7f/8b7f605f22dc0b614bfb2a1d04c1f7f1.pdf> (дата обращения: 20.06.2026).

Таким образом, проблема применения статьи 18.8 КоАП к лицам, ищущим убежище, заключается не в необходимости полного их освобождения от административной ответственности, а в недопустимости субсидиарного применения общих норм о нарушении миграционного законодательства к таким лицам. В каждом административном деле по указанной категории правонарушений необходимо устанавливать, была ли у лица реальная возможность соблюсти миграционные требования, когда и по каким причинам оно обратилось за защитой, имеются ли препятствия для возвращения и не приведет ли административное выдворение к фактическому отказу в защите такого лица. Без такой индивидуализации дальнейшее ужесточение административной ответственности может создать риск выдворения из России не только реальных нарушителей миграционного режима, но и лиц, которые потенциально нуждаются в защите от преследования в стране происхождения.

Основываясь на проведенном анализе, можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию правового регулирования в обозначенной области:

Во-первых, в целях недопущения выдворения лиц, объективно нуждающихся в защите, представляется необходимым закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации необходимость обязательного установления причин нарушения миграционного режима в случае, если лицо заявляет об угрозе его жизни или здоровью в стране происхождения. Указанная проверка должна включать в себя реальность и безопасность возможного выезда лица из России, а также оценку риска его преследования на родине.

Во-вторых, целесообразно предусмотреть приостановление исполнения административного выдворения на период рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища независимо от момента его подачи. При этом само привлечение к административной ответственности может не исключаться, однако назначение и исполнение выдворения должны быть отделены от оценки состава правонарушения и поставлены в прямую зависимость от результатов процедуры предоставления защиты.

В-третьих, требуется обеспечить возможность проверки, в том числе судебной, обоснованности содержания лица в центрах временного содержания иностранных граждан при подаче ходатайства о предоставлении лицу убежища. Это позволило бы исключить приравнивание просителей убежища к обычным нарушителям режима пребывания и обеспечить индивидуализацию административного принуждения в соответствии с принципом невысылки.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что переход российской миграционной политики от точечных репрессивных мер к модели постоянного и цифровизированного контроля закономерен, и объясняется устойчивой конкуренцией двух приоритетов, а именно - экономического и обеспечения безопасности общества. Но логика сплошного контроля, которая оправдана в отношении трудовых мигрантов, может неправомерно распространяться и на другую категорию иностранных граждан, а именно лиц, ищущих убежище на территории Российской Федерации.

Решение данной коллизии лежит не в исключении такой категории из-под административной ответственности, а в отказе от формального подхода и субсидиарного применения к ним положений КоАП. На сегодняшний день эти проблемы все еще актуальны.

Соответственно, представляется разумным двигаться не в сторону либерализации законодательства, а в сторону индивидуализации административного принуждения, то есть проверять возможность легализации иным путем и безопасно ли лицу выезжать в страну происхождения, приостанавливать выдворение на период рассмотрения обоснованности ходатайства о временном убежище и обязательный контроль со стороны как органов государственной власти, так и судов. Без указанных действий дальнейшее

ужесточение миграционного контроля рискует превратить административную ответственность в механизм, который позволяет высылать лиц, нуждающихся в защите, что противоречит как национальному, так и международному законодательству.

Список источников

1. Хараева О. А. Управление миграцией и модели миграционной политики: рецензия на книгу «Глобальное и региональное измерение миграционных процессов» / О. А. Хараева // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 166–172. - <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12048>.
2. Kent, J. Changing Motivations or Capabilities? Migration Deterrence in the Global Context / J. Kent, K. P. Norman, K. H. Tennis // International Studies Review. – 2020. – Vol. 22, No. 4. – P. 853–878. - <https://doi.org/10.1093/isr/viz050>.
3. Красинец Е. С. Трудовая миграция в Россию: тренды, механизмы и инструменты регулирования / Е. С. Красинец // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы VIII Международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества», Москва, 26–28 ноября 2025 г. Вып. 9, ч. 2 / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов. – Москва: Издательский дом УМЦ, 2026. – С. 597–600. - ISBN 978-5-6055394-5-2.
- Григорьева К. С. Мигранты как «лица, подверженные идеологии терроризма». Институциональный анализ российского кейса секьюритизации миграции / К. С. Григорьева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2021. – Т. 24, № 3. – С. 58–85. - <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.4>.
4. Попова, С. М. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023) / С. М. Попова, А. А. Яник, С. Ф. Карпова // Административное и муниципальное право. – 2023. – № 4. – С. 24–51. - <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2023.4.43666>. - EDN: VBXQFC.
5. Хонходжаев Ф. Т. Институты и практики регулирования миграции в России: ключевые проблемы положения трудовых мигрантов / Ф. Т. Хонходжаев, Ш. Ю. Акрамов // Миграционные мосты в Евразии: глобальное и региональное измерения: сборник трудов / под ред. С. В. Рязанцева, С. Н. Мищук, М. Н. Храмовой. – Москва, 2021. – С. 201–207. - <https://doi.org/10.38006/00187-097-5.2021.201.207>.
6. Максименко А. Ф. Проблема фиктивной регистрации иностранных граждан по месту пребывания в России / А. Ф. Максименко // Молодой ученый. – 2018. – № 28 (214). – С. 45–46.
7. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: монография / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшников. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 536 с. - ISBN 978-5-7598-1090-2.
8. Флоринская Ю. Ф. Работодатели и иностранные мигранты на рынках труда крупных российских городов: взаимодействие в новых условиях / Ю. Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 2 (167). – С. 144–154.
9. Бедрина Е. Б. Реализация миграционной политики в Свердловской области глазами экспертов: поиск управленческих решений / Е. Б. Бедрина, Н. П. Неклюдова // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 98–123. - <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-1-98-123>. - EDN: CZTRYW.
10. Стручков Ю. Н. Отдельные аспекты административно-правового принуждения в сфере миграции как метода обеспечения правопорядка / Ю. Н. Стручков // Миграционное право. – 2025. – № 1. – С. 42–44. - <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2025-1-42-44>. - EDN: LAAURO.
11. Кириллов М. А. О принципе индивидуализации исполнения наказания в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации / М. А. Кириллов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1 (29). – С. 101–103. - EDN: TMQJAN.

References

1. Kharaeva O.A. Migration management and models of migration policy: book review of “Global and Regional Dimension of Migration Processes”. *Demographic Review*. 2020;7(4):166–172. (In Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v7i4.12048.
2. Kent J., Norman K.P., Tennis K.H. Changing motivations or capabilities? Migration deterrence in the global context. *International Studies Review*. 2020;22(4):853–878. DOI: 10.1093/isr/viz050.

3. Krasinets E.S. Labor migration to Russia: trends, mechanisms and regulatory instruments. In: Bulavina M.A., Gerasimov V.I., editors. *Big Eurasia: Development, Security, Cooperation: Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference*; 2025 Nov 26–28; Moscow. Issue 9, Pt 2. Moscow: UMC Publishing House; 2026. p. 597–600. (In Russ.). ISBN 978-5-6055394-5-2.
4. Grigoryeva K.S. Migrants as “persons susceptible to terrorist ideology”: institutional analysis of the Russian case of migration securitization. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(3):58–85. (In Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.4.
5. Popova S.M., Yanik A.A., Karpova S.F. Transformation of Russian migration policy: stages, features, problems (1989–2023). *Administrative and Municipal Law*. 2023;(4):24–51. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0595.2023.4.43666. EDN: VBXQFC.
6. Khonkhodzhaev F.T., Akramov Sh.Yu. Institutions and practices of migration regulation in Russia: key problems of labor migrants’ status. In: Ryazantsev S.V., Mishchuk S.N., Khramova M.N., editors. *Migration Bridges in Eurasia: Global and Regional Dimensions*. Moscow; 2021. p. 201–207. (In Russ.). DOI: 10.38006/00187-097-5.2021.201.207.
7. Maksimenko A.F. The problem of fictitious registration of foreign citizens at the place of stay in Russia. *Molodoi Uchenyi*. 2018;(28(214)):45–46. (In Russ.).
8. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., editors. *In the shadow of regulation: informality in the Russian labor market*. Moscow: HSE Publishing House; 2014. 536 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1090-2.
9. Florinskaya Yu.F. Employers and foreign migrants in the labor markets of large Russian cities: interaction under new conditions. *Studies on Russian Economic Development*. 2018;(2):144–154. (In Russ.).
10. Bedrina E.B., Neklyudova N.P. Implementation of migration policy in the Sverdlovsk Region through the eyes of experts: search for management solutions. *Ars Administrandi*. 2024;16(1):98–123. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218-9173-2024-1-98-123. EDN: CZTRYW.
11. Struchkov Yu.N. Certain aspects of administrative-legal coercion in the sphere of migration as a method of ensuring law and order. *Migration Law*. 2025;(1):42–44. (In Russ.). DOI: 10.18572/2071-1182-2025-1-42-44. EDN: LAAURO.
12. Kirillov M.A. On the principle of individualization of punishment enforcement in the criminal-executive legislation of the Russian Federation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(1(29)):101–103. (In Russ.). EDN: TMQJAN

Информация об авторе

Бездольный О. С. – аспирант, кафедра административного права и процесса им. Л.Л. Попова, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Information about the author

O. S. Bezdolny – postgraduate student, L.L. Popov Department of Administrative Law and Process, Kutafin Moscow State Law University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 09.07.2026; одобрена после рецензирования 24.08.2026; принята к публикации 27.08.2026.
The article was submitted 09.07.2026; approved after reviewing 24.08.2026; accepted for publication 27.08.2026